

М. А. Спиридонова

**Кремль за решеткой.
Подпольная Россия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. А. Спиридонова**
Кремль за решеткой. Подпольная Россия / М. А. Спиридонова – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 222 с.

ISBN 978-5-458-41693-1

ISBN 978-5-458-41693-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„Кремль за решеткой“.

(Письма из Кремлевской тюрьмы М. А. Спиридоновой
и А. А. Измайлович)

Первый арест.

Автор этих строк А. А. Измайлович, пробыла при Николае на Нерчинской каторге 11 с лишком лет и, вернувшись после февральской революции в Россию, стала работать в партии Левых Социалистов Революционеров.

Арест ее и М. А. Спиридоновой, о котором она пишет (в июле 1918 г.), был первым ее арестом у большевиков, в котором большевики продержали ее недолго, как и во второй арест в Минске — в январе 1919 г. Третий же ее арест — в октябре 1919 г., дал ей заключение в Коммунистической Бутырской тюрьме, длившееся до сентября 1921 г. С тех пор она находится вместе с М. А. Спиридоновой под домашним арестом.

Из участка — в тюрьму... Из Большого театра — в Кремль.

Целая вечность, казалось, отделяла нас от многолетней царской тюрьмы, оставшейся там, далеко, в теперешнем царстве Семенова. Но вот, опять за решеткой, и будто бы не было этой «вечности» — 16-ти месяцев.

Сразу сказалась наша «прививка». Кто растерян, кто тоскует уже по воле после нескольких только дней сиденья. Мы с первой минуты — хозяева своего положения. Господа своего времени. И сразу уже времени не хватает.

Многое надо сделать, о чем приходилось только мечтать на воле, среди гор текущей работы.

Была самодержавная монархия. Стала Советская Федеративная «Социалистическая» Республика. А тюрьма — та же. Разве грязнее только. Грязь поразительная. Не тюремная уж, а этапная. Сырые каменные, все в темных пятнах от сырости своды, а стены густо увешены совершенно черной паутиной. Это до Ленина, говорят, было денежное хранилище. Для жилья оно мало пригодно. Места стало мало, а арестантов слишком много. Матрацы такие, что не только не ляжешь, а не подойдешь близко. Ни одеял, ни подушек, ни простынь. И это ничего — двое суток провалились же на полу — паркетном, правда. Есть еще разница, кроме большой грязи. При Николае к тюремному начальству обращались с титулом «господин». В Советской Республике этот титул заменен словом «товарищ». «Товарищ комендант», «товарищ караульный начальник». Но по существу здесь решительно нет никакой разницы. Слово «товарищ», обращенное к тюремщику, который тебя стережет, к следователю из правительственной партии, пустившей в ход против другой Советской партии всю ложь, клевету и всяческое насилие, это слово делается подневольным, лживым. Как тогда, при Николае, мы обходились без «господина» — так не бросаем сейчас в нечистом месте святое слово — «товарищ». И стены расписаны, как на этапке, только видно, здесь искусству больше свободы дается. Не только надписи, но и рисунки, целые пейзажи, портреты. Вот картина «расстрел». Несколько фигур, уродливо, по детски нарисованных, выстроились в ряд, а другой ряд фигур стреляет в них из винтовок. Это не поэтический вымысел, отсюда недавно ушли на расстрел 6 человек. Под картиной типичная надпись: «попал прямо в. . .» И от этого цинизма картина делается жуткой.

Вот, целый дневник на стене:

«3-го июля в среду скучал и жду результата в 12 часов.

4-го четверг сильно скучал и ждал результата.

5-го пятница был допрос и сильно жрать хотел.

6-го суббота нас стало двое и принесли на подпись допрос.

7-го воскресенье с утра стрельба и нас стало 14 человек».

Наши «художники» занялись тоже.

Во всю стену оштукатуренной камеры художественная надпись углем. Луначарский смело может взять ее для монументальной пропаганды потомства, да и не только для потомства назидательна она:

«Да здравствует 3-ий Интернационал. Левые Социалисты-Революционеры, члены 5-го Всероссийского Съезда Советов Крестьянских, Рабочих и Казачьих Депутатов, арестованные Советом Народных Комиссаров за террористический акт, совершенный над послом германского империализма гр. Мирбахом боевой организацией партии Левых Социалистов-Революционеров по постановлению Центрального Комитета партии. . .» И все фамилии, художественно сгруппированные. Исполнитель надписи кончил, слез с устроенных им подмостков и залюбовался своей работой издали.

— «Интернационал, товарищи.»

Гремит Интернационал. Караульный латыш показывается в дверях. Снимает фуражку и одевает ее только после окончания песни.

— «В удивительное время мы живем» — размышляет М-ский вслух — «Арестанты поют свой гимн и стража обнажает головы. В старое время пели ли когда заключенные «Боже, царя храни.»

Да, время удивительное. Шалки снимают при пении Интернационала, сами поют, а верных носителей этого самого Интернационала сажают в тюрьмы, клеймят их предателями, только бы не провиниться перед представителями другого — черного интернационала буржуазии.

10-го июля.

Ермоленко, сидящий здесь, в каменных сводах Кремля, уже с месяц по делу прошлогоднего июля, радуется:

— «Месяц сижу здесь. Ни одеяла, ни простыни не давали, на прогулку ни разу не водили, теперь из-за вас все получил.»

Одеяла и простыни дали. Подушек не полагается. В царской тюрьме были соломенные подушки.

Этот Ермоленко замешан в прошлом июле в каких-то документах, которые тогда выплыли против мятежных большевиков, особенно, кажется, против Козловского. Про этого Козловского уже после октябрьской революции пошла молва, что он взяточник и вообще грязный человек. Видно, в самом деле, он дрянной человек. Чем иначе объяснить такую мелочную мстительность его по отношению к Ермоленко. По приказанию Козловского Ермоленко был арестован месяца три назад в Хабаровске. По личному распоряжению Козловского Ермоленко была запрещена всякая медицинская помощь во время его болезни. Несчастная наша социальная революция — какие только темные элементы и проходимцы не примазываются к ней.

12-го июля.

По-немножку начали выпускать. При допросах пытаются уговорить допрашиваемых отречься от их партии, как, бывало, уговаривали написать прошение «на высочайшее имя» о помиловании. Ничто не ново под луной. . . А одного кто-то, кажется, Стучка, убеждал «пожалеть Спиридонову, которая, как мученица, взяла все на себя, и сказать, что он сам знает о подготовке акта над Мирбахом». Чем не какой-нибудь жандармский ротмистр или товарищ прокурора. Они, как истые социалдемократы, и экономические материалисты —, на себе самих стараются доказать истинность своей догмы (идеологический

фактор есть только надстройка над определенными условиями) и, как при самодержавии, заткнули всем рот и действуют в пустоте истинными жандармскими и охранническими методами.

13-го июля.

Сегодня, поздно вечером, Марусю увели от нас. Говорят, в другое помещение Кремля. Все долгие 11 лет каторги мы провели вместе, в одной одиночке. А отсюда уводят. . . Сейчас — поздняя ночь. Выстрелы где-то близко. Что, если это ее расстреливают. . . Один выстрел из винтовки — и комочек мозга и нервов, заживавший огонь в ней самой и в других, кто знал, кто слышал и видел ее, — этот комочек мокрой слезью разбрызгается кругом по камням и ее не будет. . . Создайте потом всеми своими «Правдами» и «Беднотами», всем красноречием Ленина и Троцкого такую огненную любовь к социальной революции, такую безмерную силу духа, какая заключалась в этом комочке, в разбитой вами черепной крышке. . . Нет, они не посмеют ее расстрелять. . .

14-го июля.

Печатают письма отступников. Отступники были всегда и будут. Сила духа, горящая в некоторых, как пламя, в других едва тлеет, как гнилушка.

Будет ли пройдено когда это самое несвергаемое, самое ужасное неравенство. . . Но есть и другие «отступники». Есть Савлы, превратившиеся в Павла в момент гонения со стороны других Савлов. Об этом нельзя громко говорить. Нельзя назвать имя, как называют себя те, ваши верно-подданные отступники. Нам надо уходить в подполье. К нам вернулись времена царизма в момент жесточайших его репрессий. Но и в подполье яркой звездой будут гореть те, кого совесть привела от вас к нам. Сказал один из таких:

— «Я не ними. Я — с вами. Там я не мог выносить того лицемерия, которое ясно обнаружилось в первый день

С'езда. Одной рукой зовут к восстанию против мирового империализма, а другой душат это восстание. Я после первого заседания С'езда разорвал свой партийный билет.»

И пришел он это сказать, когда мы были уже арестованы, когда на нас улюлюкали и лили грязную клевету валли «Правды». И остался с нами. И он не один.

16-го июля.

Товарищи в соседней камере спят. Тихий, свежий вечер. В открытое окно льется запах цветущих лип из кремлевского сада.

Цветут липы. Скошенное сено лежит рядами. В тихой речке отражаются звезды. Темной стеной, как очарованный, стоит лес.

Где этот мир. . . Есть ли где-нибудь такой край, где нет липкой, грязной клеветы и лжи, которая зовется «правительственной политикой», где нет решеток, где не расстреливают друг друга. Где человек лицом к лицу, свободный и зрячий, стоит с природой, вдыхая полной грудью запах разгоряченных полей, бросая семя в землю, семя произрастает и дает плоды посеявшему. И нигде нет насилия, нет крови и стонов. . . И подлой, трусливой клеветы нет.

Это будет. Это будет потом, скоро. И пока этого нет, всякий бегущий к тихому покою, к правде природы, всякий испугавшийся крови и стонов — есть трус и изменник.

Только на страдании воздвигается новое царство будущего. На крови и на слезах. Но не на обмане, не на лжи и клевете. Это — *гнилые* подпорки, они не выдержат. Это должны знать большевики.

17-го июля.

Днем от М. рпишла записка. Может быть, последняя в ее жизни. Там есть такие строки:

«Газеты читаю с отвращением. Сегодня меня взял безумный хохот. Я представила себе — как это они ловко

устроили. Сами изобрели «заговор». Сами ведут следствие и допрос. Сами свидетели и сами назначают главных деятелей — и их расстреливают. И от того, что расстреливают, у меня так болит голова. Ведь хоть бы одного «заговорщика» убили, а то ведь невинных, невинных. И «малых сих», совсем «малых сих».

Как убедить их, что заговора не было. свержения не было. . . Я начинаю думать, они убедили сами себя, и если раньше знали, что раздувают и муссируют, теперь они верят сами, что «заговор». Они ведь маньяки. У них ведь право-эсеровские заговоры пеклись прямо. как блины.

Сегодня ночью я долго не могла спать. Прочла в газетах о 13-ти расстрелянных. Александровичу приписывается главная роль. . . Он так невинно сел с Блюмкиным в автомобиль наверное потому, что и не подозревал, куда едет Блюмкин от N . . . куда они предварительно вместе поехали.

Сама удивляюсь, до какой степени я готова к смерти. Не могу сказать, что умру сейчас со счастьем 1906 года. Это будет теперь более в деловом порядке. Но когда я думаю об Интернационале и о чистой героической линии его борьбы, то у меня загорается душа, как и в былые времена.»

19-20 июля.

Они ничего не возражают. Они, повидимому, идут на встречу хорошо известному нам желанию руководящих торгово-промышленных кругов Германии наладить и развивать к выгоде обеих сторон тесные экономические отношения между ними. Вершковыми буквами, жирным шрифтом напечатаны в общем тексте и эти слова на плакате с заявлением Ленина по поводу батальона германских солдат в военной форме (без военной формы можно, сколько угодно; без формы их в Москве тысячи сейчас).

«Тесные экономические отношения» между Советской Социалистической Федеративной Республикой и кем? . . .

Торгово-промышленными кругами Германии, крупнейшими хищниками сильнейшего в мире империализма. Яростные защитники капитализма, гноящие в тюрьмах своих непримиримых врагов-социалистов, расстреливающие своих непокорных рабочих. И первые основатели Социалистической Республики, аннулировавшие займы старого правительства, социализировавшие все собственнические земли, лишившие избирательного права всех живущих на нетрудовой доход, всех торговцев, начиная от копеечных. И это печатается и распространяется по постановлению Ц.И.К., состоящего исключительно из Правительственной партии, по всей Республике. Какой цинизм. Какое презрение к массе: не поймут, авось. Проглотят эти «тесные экономические отношения», пилюля достаточно обильно смазана приторным соком демагогического пафоса. Да, конечно, по отношению к такой «революции» — от аннулирования займов к тесному содружеству с империализмом — Левые-Социалисты-Революционеры являются контрреволюционерами. И пока будут длиться эти тесные экономические отношения, левые эсеры будут, конечно, наполнять социалистические тюрьмы и умирать под «советскими» пулями.

Но власть Советов в конце концов победит, потому что власть Советов — это власть трудовых классов. А трудовые классы после октябрьской революции не позволят никаким «тесным экономическим отношениям» взваливать на себя слишком на долго империалистическое ярмо.

А. Измаилович.

М. А. Спиридонова.

М. А. Спиридонова была арестована коммунистическим правительством 6-го июля 1918 года и пробыла в плену у него 5 месяцев, после которых была освобождена. Затем, после двух месяцев активной и гласной работы в массах, (М. А. предлагала с ней диспутировать перед лицом московского пролетариата представителям правитель-

ствующей партии, но рабочие не давали говорить ни одному коммунисту), она вновь была схвачена большевиками и брошена в условия «санаторного режима», из которого она бежала после 2-х месячного заключения. История этого побега изложена в приводимом ниже извещении Ц. К.П.Л. С.-Р.:

*Партия Левых Социалистов Революционеров
(Интернационалистов).*

В борьбе обрешь ты право свое.

Побег тов. Спиридоновой из Кремля.

Постановление Ц. К. Партии Лев. Соц.-Рев. (Инт.)

В виду того, что здоровье тов. Спиридоновой подвергается несомненной опасности от ничем не гарантированной возможности дальнейшего применения к ней того, «санаторного» режима, под которым она была от 14—15 февраля до 9 марта, и в виду того, что жизнь Спиридоновой нужна партии в ее революционно-социалистической работе, — Ц. К. Партии Левых Социалистов-Революционеров (Интернационалистов) постановляет организовать побег тов. Спиридоновой, о чем и доводит до ее сведения.

Что касается жизни остальных т. т. членов партии левых эсеров, заключенных в настоящее время в Бутырках и по тюрьмам всей России и об'явленных В. Ч. К. заложниками, — то Ц.К.П.Л.С.-Р. предупреждает В.Ч.К., что она будет всецело ответственна за жизнь каждого заключенного члена партии Левых Социалистов-Революционеров (Интернационалистов).

27-го марта 1919 г.

Центр. Ком. Партии Лев. Соц.-Рев. (Инт.).

Постановление партии Л. С.-Р. от 27 марта 1919 г. приведено в исполнение 2 апреля.

Точное время выхода т. Спиридоновой из так называемого «Чугунного Корридора», где она содержалась и время выхода из ворот не могут быть приведены, так же, как и вся обстановка побега.

Тов. Спиридонову вывел (в условиях огромного риска) один из ее стражи, крестьянин Рязанской губернии, Николай Степанович Малахов, 22-х лет. Как и вся стража, охранявшая ее с 9-го марта, он был служащим В. Ч. К., что строго было приказано скрывать от нее. Чрезвычайника, подкупленного большевистским правительством в общем «чрезвычайном» порядке всевозможными льготами в сравнении с простыми красноармейцами, давно тревожила совесть за его службу, и, найдя такой повод, как освобождение тов. Спиридоновой, он решил резко порвать свое сытое житье и пошел на смертный риск и лишения ради правого дела — освобождения непримиримого борца за революционный социализм — М. А. Спиридоновой.

Он решил всячески гарантировать возможность успеха для выхода из Кремля тов. Спиридоновой и в последнюю минуту против всяких уговоров выбрал тот способ, который был уже отвергнут ею, в виду опасности для его жизни, но который обеспечивал победу.

В настоящее время т. т. Спиридонова и Малахов находятся вне опасности. Тов. Спиридонова, несмотря на свое сильно распатавшееся после «санатории» здоровье, сразу приступила к партийной работе.

3-го апреля 1919 г.

**Ц. К. Партии Левых Социалистов-Революционеров
(Интернационалистов):**

После 1 года 7 месяцев воли — работы в глухом подпольи — М. А. была вновь арестована, когда лежала больной в тифу, 25 октября 1920 года.

В тюрьме М. А. Спиридонова была все время больна.

Только в сентябре 1921 года она была, наконец, освобождена и помещена в санатории в Малаховке, под Москвой.

На воле М. А. начала быстро поправляться. Однако в последнее время состояние ее здоровья резко ухудшилось из за следующего происшествия. 11 января у М. А. был